

Юрмала. Борис Абрамович и Берта Исааковна Трахтенброты

Летом Юрмала превращалась в настоящий оазис безоблачного отдыха. Дюны, море, пляж, прибрежные кафе в соснах, черника и клубника в сливках, концерты, близость Риги с ее красотами, дружеские посиделки и просто встречи делали ее райским уголком. Тотальная во всех смыслах зима отступала под лучами неброского латвийского солнца. Кто хотя бы однажды сюда приезжал, всегда возвращался.

У Юрмалы была своя особая чарующая аура. Математики со всей страны съезжались летом, чтобы как-то прильнуть к этому источнику бодрости. И практически все проходили через нашу дачу. Спонтанные семинары дома и на пляже были обычным делом. Помню, гостил у нас профессор МГУ Олег Николаевич Головин. Юрмала ему очень нравилась. Однажды мама пригласила Головина к столу. Сидели, ели копченую салаку, закрутился разговор.

– Олег Николаевич, а Вы бывали на Западе? – спросила мама.

Головин ответил с совершенно серьезным лицом:

– Нет, никогда, сейчас впервые...

Новосибирские новости привозили Борис Абрамович и Берта Исааковна Трахтенброты. В 60-70-х годах они бывали у нас не так часто, но зато в начале 2000-х мама с папой ежегодно ездили с ними в Юрмалу уже из Израиля. От Риги Академгородок был далеко, но, видимо, из-за близости папы с Мальцевым, а также еще из-за уральских связей с Каргаполовым, отношения изначально были очень тесными и очень хорошими. Все изменилось после Чехословакии. Начиная с 70-х, математическое мракобесие в Новосибирске было, наверное, самым передовым мракобесием в стране, и все почувствовали на себе его отголоски.

С Борисом Абрамовичем всегда было очень тепло.

– Ну, Женя, как дела, Женя? Что скажешь хорошего? Как дела у отца? Что он сейчас пишет? – спрашивал Борис Абрамович, несмотря на то, что разговаривал с папой за 15 минут до этого.

Но, как говорили в Одессе, «это их не влияло». Мама и Берта Исааковна очень уютно судачили о чем-то своем.

– Берта, – командирским голосом говорил Борис Абрамович, – пошли домой.

Но это тоже «их не влияло», и разговоры «за жизнь», «за политику» и около математики продолжались и продолжались. Мелькали имена Мальцева, Тарского, Тайцлина, Ершова и других логиков. Потом все сменялось Киссинджером, «Пионерской зорькой – Би-Би-Си» и другими реалиями жизни. У Бориса Абрамовича были в Риге выдающиеся ученики – Янис Барздинь и Русиньш Фрейвалдс. Я думаю, уже одним этим Трахтенброт сделал для развития математики в Латвии так много, что его должны были выбрать Иностранном членом Латвийской Академии наук. Но не выбрали.

В начале 2000-х я вез из Иерусалима мою тещу, Инну Яковлевну, и жену Барздиня. Обе женщины только что посетили Стену Плача и, как положено, оставили в ней записки с какими-то своими пожеланиями. Никто из них не сомневался в адресате. По дороге в Тель-Авив латвийская гостя задумалась и спросила, кому она, собственно, писала. Сначала я не понял вопроса, но потом до меня дошло. Судя по всему, она была или католичка, или лютеранка – думаю, почти наверняка лютеранка. Инна Яковлевна была в молодости комсомолкой, начальником ОТК на «Светлане», гражданином СССР с довеском из двух

еврейских родителей – в общем, что угодно, но не лютеранка. А писали обе дамы одному, так сказать, лицу. Они стали беседовать и выяснять, дойдет ли записка по назначению. Где-то ближе к Тель-Авиву они пришли к консенсусу.

– Там, наверху, разберутся, – подытожила госпожа Барздиня, – там поймут.

Моя теща тоже была чрезвычайно довольна. Все остальное ее не волновало. Я поинтересовался, на каком языке было написано пожелание. В моей теще я не сомневался, она не полиглот – что точно, то точно. Но Барздиня серьезно сказала, что писала на двух языках, на латышском и английском.

– Надо было на иврите писать, – сказал я, чем, видимо, расстроил гостью. – Не волнуйтесь, есть специальная служба, переведут, – пошутил я.

Как ни странно, никого это не удивило. Видимо, магическая сила Иерусалима еще владела умами в полной мере, а значит мера разума была близка к нулю.

Где-то на рубеже нового тысячелетия у родителей и Трахтенбродов возникла традиция летать в Юрмалу из Израиля. Они выбрали небольшой психо-неврологический диспансер между Дзинтари и Булдури, недалеко от моря. Летом он превращался в нечто вроде санатория, психически неуравновешенные граждане отправлялись по домам, им на смену приезжали из разных стран бывшие советские люди. Довольно быстро сложилась дружная компания.

Борис Абрамович был ее душой. Как только они с Бертой спускались вниз, к народу, возникала атмосфера размеренной суеты. Утром, устроившись на скамеечках, все начинали обсуждать программу текущих удовольствий. Разговор шел по кругу: чем кормят, какая погода, пойдём ли на пляж, в магазин, на базар, и что нового в Израиле. Рассуждать о политике, находясь на отдыхе, было легко и приятно. Но иногда возникали и серьезные околонучные темы. К папе и Борису Абрамовичу присоединялся папин друг, бывший свердловчанин Игорь Гейман, и эта троица могла легко провести несколько часов за разговорами. К ним неожиданно прибилась молодая, необыкновенно красивая девушка Нарина Бочарова. Было ей лет 20 с небольшим. Так сложилась судьба, что ее везде преследовала война. Она жила в Грозном, потом переехала в Абхазию, наконец осела в Крыму... Хорошо помню, как она сидит и хлопает глазами, а трое профессоров объясняют ей нечто вроде логики Геделя. Я думал, что все это – парадоксы Юрмалы, а оказалось, что начало серьезной дружбы.

Все, что касалось логики, Борис Абрамович мог объяснить очень доходчиво. Когда же я иногда переводил тему в сторону алгебраической логики, Борис Абрамович сразу поворачивался вполборота и говорил:

– Ну, это я не знаю, это к отцу.

Позднее вся компания сменила неврологический диспансер в Дзинтари на реабилитационный ортопедический центр в Яундубулты, но атмосфера и стиль отдыха остались прежними.

Меня всегда поражала доброжелательность Бориса Абрамовича. Он говорил вполне корректно даже о тех, кто этого совсем не заслуживал. Кроме того, он сумел найти доверительный язык со своими латышскими учениками – совсем непростое дело и говорит о многом. Иногда кто-нибудь из них заезжал в санаторий и увозил Берту Исааковну и Бориса Абрамовича – поговорить, покататься. Ясно, что они очень ценили своего учителя и как математика, и как человека.

В Юрмале я иногда сидел вместе с Борисом Абрамовичем в ожидании родителей, и темы разговора уплывали в какие-то дали. Это было совершенно замечательно. Было много юмора, еще больше еврейской мудрости и очень ясной, живой речи. Мне казалось всегда, что у Бориса Абрамовича была не только характерная интонация, но и неуловимый акцент. Я спросил его однажды об этом. Он засмеялся и сказал – это все Румыния-Молдавия, с детства. В другой раз я рассказывал ему о ленинградских математических реалиях, о нашем курсе логики, о ЛОМИ и лекциях Шанина.

Жалко, память не сохранила деталей разговоров, но тон, но интонации, но чувство – все так же зримо, все как вчера. Как будто они живут своей жизнью, а время обтекает их, не касаясь, лишь слегка сглаживая углы.

В заключение мне хочется сказать еще одно. Я очень ценил и ценю дружбу Бориса Абрамовича и Берты Исааковны с моими родителями. В ней были поддержка и взаимопонимание. Это – самое главное.

Женя Плоткин